

Введение

Нужна ли России собственная национальная идеология? И если да, то какая именно?

Обсуждение этих фундаментальных вопросов на протяжении последних нескольких лет является своеобразным фоном, на который «наслаиваются» все прочие общественно-политические дискуссии.

Парадокс, однако, в том что, несмотря на активную поддержку со стороны высших государственных структур, а также на вовлечение в данный процесс огромного количества интеллектуалов, более или менее современной модели российской национальной доктрины, — то есть, такой, которая бы одновременно сочетала национально-традиционные и либерально-демократические начала, — до сих пор создать не удалось.

В связи с этим, как представляется, в общественном сознании отсутствует полная ясность и по поводу иных, более локальных общественно-политических проблем, зачастую весьма острых и болезненных.

Как представляется, главной причиной того, что все попытки создания продуктивного варианта русской национал-либеральной доктрины терпят фиаско, является то обстоятельство, что их авторы, — как, впрочем, и общество в целом, — недостаточно внимательно отнеслись к тому опыту, который был уже накоплен русской общественной мыслью в начале этого века.

Тогда, напомню, перед Российской империей стояла задача, отчасти схожая с той, которую ставит перед Российской Федерацией ее современное руководство: задача динамичной модернизации с целью полноценной интеграции в европейский цивилизационный контекст при сохранении основных национально-государственных характеристик.

Неудивительно, что именно тогда, особенно после революции 1905—1907 гг., легализовавшей в стране свободную политическую дискуссию, стали предприниматься активные попытки конструирования таких идеинных систем, которые бы вывели эффективную формулу национал-либерального реформирования России.

На этом поприще подвигались не только отдельные личности или локальные интеллигентские объединения, группировавшиеся вокруг тех или иных периодических изданий. Ту же задачу пыталась решить целая политическая партия — партия русских националистов, или Всероссийский национальный союз (ВНС). Эта полузабытая ныне политическая организация была одной из влиятельнейших политических сил России эпохи последнего межреволюционного десятилетия: ВНС составлял вторую по численности фракцию в III и IV Государственных думах и являлся, наряду с Союзом 17 октября, главной парламентской опорой П.А.Столыпина.

Однако опыт теоретической работы, проделанной русскими национал-либеральными идеологами начала века, в том числе идейными вождями ВНС, оказался столь же безрезультатным, что и их нынешних коллег. Целостной и жизнеспособной доктрины, которая могла бы успешно конкурировать с ведущими идейными течениями России начала XX в. — монархизмом, либерализмом и социализмом — сформулировать не удалось.

Стоит ли специально пояснить, что, не найдя аргументированного и достоверного ответа на вопрос о том, в чем именно таился секрет неуспеха «русской идеи» в начале XX столетия, — нет смысла возобновлять аналогичные попытки сегодня, на его исходе.

Таким образом, всесторонний анализ истории становления, эволюции и упадка идеологии русского национализма в 1907—1917 гг. — как одного из наиболее комплексных опытов создания русской национал-либеральной доктрины, представляется совершенно необходимым.

* * *

Актуальность такого исследования тем более очевидна, что на сегодня ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет ни одной специальной работы, которая была бы посвящена комплексному анализу формирования и эволюции идеологии партии

русских националистов, которая позволила бы полноценно охарактеризовать ее идейно-политическую природу.

Подробный анализ идейной системы ВНС позволяет выявить его типологическую специфику и поднять вопрос о пересмотре традиционного для отечественной историографии взгляда на весь правый фланг партийно-политической системы дофевральской России как на «однородно черносотенный».

Кроме того, определение типологической специфики идеологии ВНС, не в последнюю очередь связанной с этнографическими и социально-экономическими особенностями Западного края (американский исследователь Р.Эделман справедливо называет этот регион «оплотом русского национализма» [164, с. 49]), позволяет выявить некоторые слабо изученные отечественной исторической наукой особенности идейного самоопределения русского населения в районах со смешанным составом населения в начале ХХ века.

Говоря о факторах, отчасти затрудняющих изучение идеологии ВНС, следует, прежде всего, отметить, что русские националисты уделяли теоретическим вопросам меньшее внимание, нежели представители большинства существовавших в рассматриваемую эпоху политических организаций. Данная особенность ВНС была обусловлена рядом факторов, носивших как объективный, так и субъективный характер.

Объективной предпосылкой сравнительно незначительной «идеологизированности» ВНС явилась его принадлежность к консервативному партийно-политическому типу, для которого характерна изначальная ориентированность не на воплощение в жизнь некой доктрины, а на сохранение уже существующих структур и их частичное улучшение [124, с. 141].

Субъективными факторами явились следующие:

1. Нацеленность ВНС на первоочередное решение конкретных региональных проблем, а также тех общегосударственных вопросов, которые непосредственно затрагивали интересы русского населения Западного края.

2. Партийное оформление ВНС в период активного сотрудничества думской фракции националистов с правительством, когда идеологические проблемы по сравнению с тактическими отчасти отходили на второй план.

3. Социальный состав ВНС: сравнительно небольшое число партийных лидеров, окончивших европейские либо столичные российские университеты; относительно низкий удельный вес среди членов партии представителей либеральных профессий; большое количество партийных деятелей с военным или бюрократическим прошлым.

В силу указанных обстоятельств, нет оснований вести речь о доктрине ВНС как об учении, целостно изложенном в рамках одной или нескольких книг.

В то же время у русских националистов имелся комплекс вполне четких идейных установок, а также организационных постулатов и идеологем, без которых были бы невозможны не только успешная самоидентификация членов ВНС и их общение на едином политическом языке, но и принятие ими важнейших организационно-тактических решений.

Изучение истории формирования и эволюции идеологии ВНС сопряжено с необходимостью конвенционализации ряда ключевых понятий, которые используются в настоящей работе и традиция употребления которых в литературе выглядит противоречивой либо недостаточно устоявшейся.

Так, содержание понятия «национализм» как в мировой, так и в отечественной историко-политической науке интерпретируется по-разному, что, в свою очередь, проистекает прежде всего «от противоречивости самого феномена национализма» [12, с. 43–45]. В современной литературе существуют два основных толкования термина «национализм». Во-первых, при помощи данного понятия обозначают широкий спектр феноменов (политических, культурных, социальных), связанных с утверждением этнического превосходства [161, с. 154; 124, с. 195]. Во-вторых, под «национализмом» понимают концепцию гражданско-политического единства современных го-

сударств [160, с. 256]. Некоторые авторы предполагают просто констатировать наличие двух типов понимания термина «национализм» [116, с. 65]. Другие пытаются провести знак равенства между национализмом и патриотизмом [12, с. 43–45]. В настоящей работе термин «национализм» используется как обозначение идейно-политического феномена, связанного с провозглашением и отстаиванием этнических приоритетов перед всеми прочими.

В свою очередь, под «русским национализмом» понимается лишь одна из конкретно-исторических разновидностей национализма, а именно совокупность идейной, организационной и тактической практики тех, кто в рассматриваемый период входил в состав Всероссийского национального союза.

Под «думской монархией» автор настоящей работы, вслед за С.С.Ольденбургом [114], понимает государственно-правовую систему, основы которой сложились в России на протяжении 1905–1907 гг. и которая просуществовала вплоть до конца февраля 1917 г.

Под определением «партийный идеолог» понимается разработчик одного или нескольких аспектов партийной идеологии (доктрины).

Для типологической характеристики ВНС важным является также понятие «консервативного либерализма», в последнее десятилетие начавшее активно использоваться отечественными авторами, стремившимися преодолеть малопродуктивную в научном плане «ленинскую» типологию политических партий начала XX в., одним из изъянов которой является игнорирование феномена политического консерватизма [91–111; 50; 155]. Вообще, активное использование в историко-политическом исследовании определения «консерватизм», а равным образом осмысление проблемы его соотнесения с категорией «либерализм» находится в русле как западной [160; 161; 165; 168; 169; 173–176, так и отечественной (дореволюционной и современной) общественной мысли [33; 122; 124; 151].

В настоящей работе под «российским консервативным либерализмом» понимается политическое направление, существовавшее в России в межреволюци-

онный период и связанное с идеями ее умеренно-либерального реформирования на основе сохранения в неприкосновенности политических основ «думской монархии» [58].

* * *

Первые попытки проанализировать политическую (в том числе идеально-организационную) природу ВНС были предприняты вскоре после его возникновения. То, что исходили они из лагеря политических противников русского национализма, предопределило неизбежную пристрастность некоторых оценок.

Выступивший в печати вскоре после образования ВНС кадет Л.З.Слонимский ограничился тем, что, констатировав наличие в Уставе ВНС большого количества «логических противоречий, несообразностей и недомолвок», объявил «национализм "истинно-русских" патриотов» — «наивным» и основанным на неспособности учредителей ВНС отдать себе ясный отчет «в значении употребляемых терминов», таких, как «русская народность», «господство русской народности», «самодержавие», «законодательное народное представительство», «бытовая самопомощь» и т.п. [131].

Меньшевик В.Левицкий, опубликовавший очерк о правых партиях пятью годами позднее и располагавший в силу этого сравнительно большим количеством фактов, тем не менее, вообще оставил в стороне вопрос о политической (в том числе идеальной) специфике русского национализма, упомянув лишь о «чисто дворянско-землевладельческой» социальной природе ВНС [90, с. 467—468].

Работы историков в первые полтора послеоктябрьских десятилетия характеризовали две взаимно противоречивые особенности: с одной стороны, тенденция к расширению фактологической базы и к относительной объективности исторических оценок, а с другой — довольно большое количество неточностей, а также стремление поместить факты в прокрустово ложе марксистской историософии.

Следуя в русле, проложенном дореволюционной социал-демократической традицией историографии, историки-марксисты 20—30-х гг. не подвергали самостоятельному рассмотрению вопрос об идеальной специфике русского национализма, просто объявляя его лидеров «типичными выразителями обуржуазившихся помещичьих групп, являющихся опорой столыпинского режима» [13], вождями «буржуазно-землевладельческих групп» [120, с. 331—332]. В то же время в научно-популярных работах тех лет характеристика идеальной природы ВНС проделала эволюцию от поверхностных определений («незначительная группа умеренных монархистов»; фракция «одной реакционной партии») [27, с. 9—10] до развернутых попыток выявить идеальную специфику русского национализма. Говоря о последних, следует назвать публицистически яркую работу Д.Заславского, в которой русский национализм характеризовался как «монархизм идеальный, пытавшийся соединить монархию с политической честностью, независимостью, некоторой свободой» и противопоставлялся «глупому и простодушному» черносотенному монархизму «кулака и медного лба» [42, с. 23—24, 66], а также брошюру В.Залежского, в которой отмечается факт приверженности русских националистов идею законодательной Государственной думы [43, с. 61, 64].

Среди высказываний советских историков 20—30-х годов, посвященных ВНС, особняком стоит публицистически эмоциональное мнение А.С.Тагера, называющего, вслед за «буржуазным либералом» — французским послом в России Жоржем Луи, — русских националистов «партией ненависти» [141, с. 39—41].

Период с середины 30-х до середины 50-х годов характеризовался практически полным застоем в разработке советскими авторами рассматриваемой проблематики. Единственным крупным трудом по политической истории третьеиюньской России, добившимся официального признания (хотя так и оставшимся не опубликованным) явилась докторская диссертация Е.Д.Черменского «Борьба классов и партий в IV Госу-

дарственной Думе», автореферат которой был напечатан в 1947 году.

Тридцатилетие, начавшееся вскоре после смерти И.В.Сталина и окончившееся приходом к власти М.С.Горбачева, характеризовалось определенной либерализацией условий научно-исторической деятельности, в результате чего отечественной историографии было начато систематическое изучение сюжетов, связанных с политической историей России начала XX в.

Пристальному рассмотрению организационно-идейную природу ВНС подверг А.Я.Аврех, выдвинувший тезис, согласно которому главная задача, ставившаяся перед националистской доктриной ее создателями, заключалась в том, чтобы «вытеснить среди масс идеи демократии и социализма». Именно банкротство данной надежды, по мнению А.Я.Авреха, повлекло за собой банкротство партии в целом, «потому что главной цели — отвоевания масс у революции — достигнуто не было» [1, с. 19–20].

К числу заслуг А.Я.Авреха следует отнести попытку, во-первых, определить идейные особенности русского национализма, отличающие его от черносотенства, а во-вторых, указать на наличие идейного родства между русскими националистами, с одной стороны, и более левыми либеральными партиями (октябристами, прогрессистами, кадетами), с другой. В то же время в основу всех рассуждений и обобщающих выводов А.Я.Авреха была положена теоретическая установка, исключавшая возможность непротиворечивой концептуализации данных наблюдений. Речь идет об утверждении, согласно которому «за реформы, то есть за переход к буржуазной монархии стоял в принципе весь помещичье-буржуазный лагерь», поскольку и правые, и либералы были убеждены в том, что «революция — это гибель» [2, с. 13; 4, с. 159]. А.Я.Аврех неизменно подчеркивал, что «не только буржуазия, но и крепостники были искренними сторонниками "конституционного строя" как такового» [5, с. 301] и что их расхождения с П.А.Столыпиным не носили прин-

ципиального характера [10, с. 64–65]. Таким образом, крупнейший советский исследователь третьеиюньской России, с одной стороны, указывая на наличие у каждой из третьеиюньских политических партий (в том числе ВНС) специфических идеологических черт, с другой — утверждал идейно-типологическую общность всего «буржуазно-крепостнического» лагеря. Данная установка обрекала исследователя на неизбежную терминологическую нечеткость и внутреннюю противоречивость.

Отличие националистской системы взглядов от черносотенной А.Я.Аврех определял следующим образом: «Национализм в третьеиюньский период выступал в самой свирепой зоологической форме, носил крайне реакционный, воинственно-русификаторский характер... Крайние правые проводили эту идею в Думе под лозунгом "народа-хозяина". Официальным лозунгом собственно националистов был "Россия для русских" ...». Отдавая должное стремлению исследователя выявить организационно-идейную специфику ВНС и провести типологическую грань между русским национализмом, с одной стороны, и черносотенством, с другой, следует все же заметить, что некритическое использование в этих целях думской риторики одного из политических противников ВНС не может быть признано научно продуктивным. Несмотря на то, что А.Я.Аврех не делает соответствующей сноски, простое сопоставление стенограммы выступления В.М.Пуришевича в Государственной думе от 27 апреля 1911 г., посвященное критике националистского законопроекта о западном земстве [5, с. 25–26], и упомянутого рассуждения А.Я.Авреха о природе русского национализма позволяет прийти к выводу об их явной концептуально-стилистической преемственности.

Данный не вполне оправданный методологический прием в дальнейшем А.Я.Аврех использовал неоднократно, в частности, воспроизводя оценки ВНС (в том числе его идейной природы), принадлежащие кадетскому официозу газете «Речь», лидеру левых октябристов С.И.Шидловскому et caetera [7, с. 29, 240–242, 244].

Методологическая некорректность данного подхода дополняется рядом фактологических неточностей и терминологических противоречий. Во-первых, идеология «народ-хозяин» в действительности никогда не являлась официальным лозунгом крайне правых (таковым неизменно оставалась уваровская триада «Православие, Самодержавие, Народность»), в то же время русские националисты пользовались ею так же часто, как и черносотенцы. Во-вторых, попытка объявить систему взглядов ВНС по национальному вопросу более «зоологической», нежели черносотенная, выглядит малоубедительной: достаточно вспомнить известного черносотенца А.С.Шмакова, украсившего стены своего кабинета изображениями еврейских носов всех разновидностей. В-третьих, на одних и тех же страницах автор рассматривает национализм как более широкую и одновременно более узкую, по сравнению с черносотенством, категорию [5, с. 25–26].

Говоря о проблеме соответствия идеальной природы ВНС системе либеральных воззрений, А.Я.Аврех не только обратил внимание на наличие в рамках националистской партийной доктрины значительной либеральной составляющей, но также указал на факт становления к 1911 году и последующего развития процесса либерально-демократического брожения в стане русских националистов. А.Я.Аврех подробно проанализировал содержание изданного петербургскими активистами ВНС литературно-публицистического сборника «Ладо», характеризуя его как «своеобразные националистические "Вехи"», отличавшиеся от настоящих «Вех» тем, что двигались справа налево — от национализма к либерализму. На основе данных наблюдений А.Я.Аврех сделал вывод о том, что «между партией националистов и партией кадетов нет непропасти в национальной программе, что разница эта количественная». В этой связи А.Я.Аврех подчеркнул, что «позднейший союз кадетов и "прогрессивных националистов" в "Прогрессивном блоке" был результатом не только глубокого кризиса "верхов" и вызревания революционной ситуации, но и генети-

ческого родства, основанного на великодержавном шовинизме и "имперской идее" ...» [5, с. 413], а также на укрепившемся у значительной части русских националистов в период войны сознании неизбежности эволюции России в сторону конституционной монархии и ответственного перед Думой министерства [8, с. 62].

В то же время исходная противоречивость взглядов А.Я.Авреха на идеальную природу ведущих политических партий в очередной раз не позволила ему избежать логических несостыковок. Так, анализируя националистическую риторику М.О.Меньшикова, А.Я.Аврех одновременно указал, с одной стороны, на либерально-конституционную составляющую националистской доктрины и вытекающую из данного обстоятельства принципиальную возможность для националистов вести конструктивный политический диалог не только с октябристами, но даже с кадетами, а с другой — на типологическое отличие «либеральных» октябристов — от националистов, являющихся, по мнению автора, такими же «правыми», как черносотенцы [3, с. 58, 78].

В отличие от А.Я.Авреха, полагавшего, что русский национализм задумывался его вождями как платформа для объединения широких масс («низов»), В.С.Дякин, вслед за известным столыпинским соратником И.Я.Гурляндом, склонялся к мысли, что ВНС никогда не ставил перед собой подобных задач, стремясь идеально и организационно консолидировать лишь «узкий круг ценовых элементов» [34, с. 9–10, 20, 22]. При этом оценка В.С.Дякиным организационно-идейной сущности русского национализма также отличается заметной противоречивостью.

С одной стороны, В.С.Дякин исходит из того, что партийная доктрина ВНС качественным образом отличалась от черносотенной, будучи в большей степени родственной октябризму, и что в рамках русского национализма существовало два идеальных течения — более и менее либеральное [39, с. 51–52, 153]. С другой стороны, В.С.Дякин отмечает, что русские националисты «в классовом и идеальном отношении... мало чем

отличались» от черносотенцев [36, с. 28, 97–98]. В этой связи он интерпретировал причины того кризиса, который поразил фракцию националистов и умеренно-правых (ФНУП) в IV Думе исключительно в категориях политической конъюнктуры:

ориентация «отдельных лидеров и групп на разные круги в правящих верхах», в частности, борьба между большинством национальной фракции, ведомым киевлянами А.И.Савенко и В.Я.Демченко, которое, опасаясь возрастания реставрационных тенденций и усиления угрозы революции [34, с. 9–10, 20, 22], поддерживало позицию председателя Совета министров В.Н.Коковцова, — и лидером фракции П.Н.Балашовым, явившимся противником премьера;

сильные внутрифракционные трения, связанные с попытками «достижения долгосрочных межфракционных блоков на конкретной программе», что привело к скрытым расколам;

недовольство части националистов политикой правительства и требование «...в интересах победоносного продолжения войны... смены оказавшегося неспособным правительства» [36, с. 28, 97–98].

Единственным замечанием В.С.Дякина, упоминающим косвенным образом об отличии идейной природы ВНС от ортодоксально-черносотенной, является следующее: «...в конфликте балашовцев и савенковцев сказывалось различие волынских националистов, чисто помещичьих по своему облику, и киевских, где в Национальном союзе было заметно присутствие буржуазных элементов» [34, с. 9–10, 20, 22]. Однако в данном случае В.С.Дякин допускает досадную неточность: в действительности «волынские националисты» не являлись и не могли являться оплотом внутрифракционного консерватизма, поскольку единственным представителем Волынской губернии во ФНУП был ближайший соратник А.И.Савенко по антибалашевской фронде В.В.Шульгин. Как представляется, в этой связи более прав А.Я.Аврех, называющий оплотом правого национализма думскую делегацию от Подольской губернии во главе с П.Н.Балашевым.

Е.Д.Черменский коснулся сюжетов, связанных с деятельностью ВНС лишь вскользь, неизменно квалифицируя русских националистов в идейном плане как черносотенцев «типа Пуришкевича или Маркова 2-го», проводящих, подобно последним, «политику защиты привилегий полуфеодального дворянства, травлю "инородцев", но только не так открыто, более замаскированно», то есть отличающихся от крайне правых не столько идеологическими, сколько тактическими установками [146, с. 296; 147, с. 325; 149, с. 102–103].

Большинство остальных авторов, касавшихся организационно-идейных аспектов русского национализма, сохранило внутреннюю противоречивость взглядов по данному вопросу, проистекающую из стремления рассматривать взгляды ВНС как идентичные крайне правым и одновременно отличные от них.

«Черносотенному "Союзу русского народа", — отмечал В.В.Комин, — была близка по духу так называемая партия "националистов"... своими политическими взглядами она совершенно не отличалась от крайне правых. Своей программы, в чем-либо отличной от программы "Союза русского народа", националисты не имели, все основные положения крайне правых проповедовали и националисты». Далее, однако, автор признает, что националистов отличало от «Союза русского народа» (правда, лишь «на словах») «согласие сохранить видимость законодательной деятельности Государственной думы, а крайне правые настаивали на полном законодательном бесправии Государственной думы, оставляя ей, в лучшем случае, роль помощницы русского самодержавия» [54, с. 34–35]. Помимо отмеченной логической противоречивости, рассуждения В.В.Комина, как нетрудно заметить, характеризуются очевидными неточностями, связанными с тенденциозной оценкой степени программной и тактической зависимости ВНС от черносотенцев.

Л.М.Спирин, упоминая ВНС в числе семи основных «помещичье-монархических партий», обращает также внимание на тот факт, что партия русских на-

ционалистов состояла из представителей не только помещиков и духовенства, но и «самых реакционных кругов буржуазии», что косвенным образом свидетельствует о признании Л.М.Спириным типологической (в том числе идеиной) близости ВНС Союзу 17 октября, определяемому на страницах той же монографии как «реакционно-буржуазная» политическая партия. Указанное скрытое противоречие, однако, никак автором не разрешается и не комментируется [133, с. 188, 330—341; 135, с. 57—58].

В разделе коллективной монографии, написанном совместно Л.М.Спириным и Н.Г.Королевой и посвященном деятельности помещичье-монархических организаций, упомянутое противоречие остается не преодоленным, поскольку, с одной стороны, ВНС продолжает упоминаться в едином типологическом ряду с черносотенными организациями, а с другой — перечисляется ряд фактов, позволяющих сделать вывод о частичной приверженности русских националистов либерально-реформистской системе взглядов и их идеиной близости к октяристам. Последнее обстоятельство подкрепляется большим количеством наблюдений, содержащихся в принадлежащем перу В.В.Шелохаева разделе той же монографии, посвященном Союзу 17 октября. Очевидную противоречивость рассуждения авторы стремятся сгладить за счет объяснения факта идеиной близости ВНС к либералам случайно-конъюнктурными обстоятельствами. Так, вхождение «прогрессивных националистов» в Прогрессивный блок объясняется, по мнению Л.М.Спирина и Н.Г.Королевой, тем, что часть правых сознала необходимость замены кабинета И.Л.Горемыкина новым, состоящим из представителей либеральной общественности, как единственно возможного средства выйти «из непрерывно обострявшейся ситуации». Данный логический ход, однако, не может быть признан удачным, поскольку, как минимум, два важнейших обстоятельства, упоминаемые на тех же страницах работы, остаются непрокомментироваными: во-первых, почему к выводу о необходимости за-

мены И.Л.Горемыкина либеральным премьером смогла прийти лишь «часть правых»; во-вторых, почему не вошедшие в состав Прогрессивного блока правые националисты отказались от заключения постоянного соглашения с крайне правыми, стремившимися вовлечь фракцию П.Н.Балашева в так называемый Черный блок [113, с. 39—104, 134—142, 147, 170—181, 212, 219].

Избежать логических противоречий при определении идеинно-политической сущности ВНС удавалось лишь тем авторам, которые ограничивались констатацией типологического родства русских националистов с черносотенцами, вообще опуская какое бы то ни было конкретное рассмотрение проблем и сюжетов, связанных с идеиной и тактической активностью ВНС. Так, И.А.Чемерисский, перечислив ВНС в общем ряду с Союзом русского народа, Русской монархической партии и другими крайне правыми организациями, подкрепил свой вывод лишь тем, что квалифицировал попытку американского исследователя Р.Эделмана выявить организационно-идеиную специфику ВНС как проявление общей для всей западной историографии линии «на обеление царизма, преувеличение его модернизации» [145, с. 66, 73].

Особое место в деле выявления типологических особенностей партийной доктрины российских политических партий вообще и ВНС в частности принадлежит авторам, занимавшимся изучением проблем, связанных с внешней политикой России в межреволюционный период. Историки-международники, избавленные от необходимости проводить подробный анализ «классовой природы» российских политических организаций начала XX в., строго подразделяя их на «помещичьи», «буржуазные», «мелкобуржуазные» и «пролетарские», — с самого начала вполне определенно указывали на близость позиций умеренно-правых (русских националистов) по основным внешнеполитическим вопросам не только с октяристами, но также с прогрессистами и кадетами.

Первым на это обратил внимание И.В.Бестужев, выявивший общность эволюции (от международного

нейтрализма — к антантофильству) политических сил, «группировавшихся вокруг столыпинского правительства» (т.е. октябрьистов и националистов) и их сближению на этой почве с кадетами и прогрессистами [20, с. 24–31, 383–384]. Основные положения концепции И.В.Бестужева повторил (хотя в менее выраженной и более внутренне противоречивой форме) П.Н.Ефремов [41, с. 19–39]. К сожалению, наблюдения и выводы, сделанные исследователями российской внешней политики начала XX в. более трех десятилетий назад, не были своевременно использованы в целях создания более цельной и научно продуктивной системы оценок идеально-политической специфики российских политических партий, в том числе ВНС.

Говоря об особенностях развития отечественной историографии российских политических партий начала XX в., имевшего место на протяжении последних десяти лет, следует отметить, что его характеризуют две связанные друг с другом тенденции:

во-первых, постепенное усиление тяги большинства исследователей к идеологическому нейтрализму при одновременном стремлении к максимуму фактологической достоверности и минимуму методологической концептуализации;

во-вторых, стихийная приверженность многих авторов методологическим и терминологическим установкам предшествующей эпохи (последнее является следствием не столько известной консервативности исследовательского мышления, сколько отсутствия в отечественной историографии новых концептуальных разработок).

Н.Г.Королева поместила в 1989 г. в сборнике «Непролетарские партии России в трех революциях» статью, где в упрощенном виде воспроизвела собственный, изложенный несколькими годами ранее совместно со Л.М.Спириным, вывод о принадлежности ВНС к черносотенному лагерю [55, с. 104]. В том же сборнике помещена статья В.Н.Селецкого, посвященная идеально-политической платформе прогрессизма. В этой работе автор отмечает родственность взглядов

националистов и октябрьистов по международной проблематике [129, с. 96–99].

Раскрывая сущность своего взгляда на идеально-политическую природу русского национализма, С.А.Степанов отмечает, что умеренно-правые «по существу не имели собственной организации и представляли собой парламентскую группу монархически и националистически настроенных депутатов», которые, в отличие от крайне правых, «одобряли планы реформ и не вели критической кампании против правительства», но «выступали за соблюдение соглашений с Союзом 17 октября» и «действовали чуть более тонкими методами по сравнению с Н.Е.Марковым и В.М.Пуришкевичем»; «Умеренно-правые были гораздо слабее связаны с черносотенными союзами, чем крайне правые». Никак не раскрывая характер причинно-следственной связи, существующей между всеми вышеприведенными фактами и оценками, С.А.Степанов ограничивается тем, что просто объявляет русских националистов одной из разновидностей черносотенцев [139, с. 172–174, 185, 186].

Стремясь преодолеть отмеченные выше категориальные противоречия, автор очерков, посвященных деятельности ВНС, опубликованных в 1-м томе энциклопедии «Отечественная история с древнейших времен до 1917 года», а также в энциклопедическом справочнике «Политические партии России в начале XX века», выдвинул тезис об отсутствии типологического родства ВНС с крайне правыми организациями и, напротив, наличии его типологической родственности с консервативно-либеральным Союзом 17 октября [58–87].

Важным моментом в разработке отечественными исследователями сюжетов, связанных с историей ВНС, стало появление работ, посвященных организационно-идеальной истории ВНС в целом, а также биографиям и взглядам его отдельных представителей [63–65; 68–76; 78–81; 83–86]. В их числе были опубликованы работы, посвященные соответственно отношению идеологов ВНС к «еврейскому» и «русскому нациальному» вопросам [62; 87].

В 1993 г. ИНИОН РАН была издана брошюра П.И.Шлемина, посвященная анализу эволюции взглядов М.О.Меньшикова по национальному вопросу на протяжении 1906—1908 гг. Автор попытался указать на причины и характер изменения взглядов ведущего идеолога ВНС по национальному вопросу, однако, как представляется, пришел к не вполне аргументированным выводам. Во-первых, о принципиальном отличии «исполненного ксенофобии национализма» М.О.Меньшикова — от «подлинного, деятельного патриотизма» П.А.Столыпина. Во-вторых, о том, что в ноябре 1908 г. М.О.Меньшиков якобы раз и навсегда покончил со своей «политической двойственностью» и «с этого времени, пусть и с большим опозданием» «всесильно и в полную мощь своего публицистического темперамента», стал «пропагандистом столыпинских преобразований». В действительности национал-либеральная «политическая двойственность» была присуща М.О.Меньшикову, как любому другому русскому националисту (включая и самого П.А.Столыпина), на всем протяжении его деятельности. Что же касается отношения М.О.Меньшикова к политике, проводимой П.А.Столыпиным, то как до осени 1908 г., так и после, оно было в целом позитивным, хотя и допускало критические замечания по ряду конкретных вопросов. В то же время П.И.Шлемин указал на такую важнейшую особенность доктрины ВНС, как высокая степень ее внутренней противоречивости, а также на социальные предпосылки идейно-организационного краха русского национализма в начале XX в. [156, с. 5—31].

В целом следует отметить, что современная отечественная историческая наука пока что не сформулировала аргументированного и целостного взгляда на проблему формирования и эволюции идеологии ВНС. В частности, это проявляется в том, что некоторые авторы, рассуждая о партии русских националистов, предпочитают воздерживаться от характеристики и анализа ее организационно-идейной природы [44, с. 67; 53-а, с. 9—10, 12—13].

Исследования, принадлежащие перу авторов, явившихся идейными противниками большевиков и вынужденных покинуть Россию после прихода последних к власти, отличаются вполне объяснимой политической тенденциозностью. Так, умеренный монархист С.С.Ольденбург — автор капитального труда по истории России эпохи последнего царствования — тщательно избегает всякого упоминания о фактах и факторах (в том числе организационно-идейных), типологически отличавших русских националистов от черносотенцев, стремясь представить весь правый лагерь, включая его черносотенную составляющую, в максимально «умеренном» свете. В тех случаях, когда позиции крайне правых и ВНС слишком очевидно расходятся, С.С.Ольденбург уклоняется от комментария, ограничиваясь простой констатацией факта [114, с. 399, 401—403, 413, 418, 422, 427, 445].

Для западной историографии так же, как для отечественной, характерна относительно слабая степень изученности сюжетов, связанных с деятельностью российских консервативных партий, в том числе ВНС. Рассматривая российских правых не столько как самостоятельный феномен, сколько лишь как одну из помех на пути конституционных преобразований в дореволюционной России, многие западные авторы, парадоксальным образом повторяя в данном случае опыт своих советских коллег оппонентов, во-первых, игнорировали наличие принципиальных расхождений между умеренными и крайними представителями «правого крыла», а во-вторых, не придавали особого значения изучению сути идейных взглядов русских правых (особенно умеренной их части).

Показательно в этой связи рассуждение Ричарда Пайпса: «Монархистам... манифест (17 октября. — Д.К.) и Основные законы вовсе не казались чем-то непреложным и необратимым — что царь давал, то он может и отнять. Группировки эти, состоящие главным образом из землевладельцев (многие из западных областей), публицистов правого толка, духовенства, а также сочувствовавшей им мелкой буржуазии, исповедовали весьма примитивную идеологию, базирующую-

ся на двух принципах: самодержавие и Россия для русских. И все их мировоззрение все более и более сводилось к оголтелому антисемитизму, к видению причин всех бед русского народа в евреях: евреи-нехристи хотят прибрать к рукам весь мир. Самой влиятельной из этих группировок был "Союз русского народа" ...» [164, с. 24; 118, с. 174].

Единственным автором, специально изучавшим историю политической организации русских националистов, является Роберт Эделман, перу которого принадлежат две статьи [162; 163, с. 94—122] и монография «Дворянские политики накануне Русской революции. Националистская партия. 1907—1917», опубликованная в 1980 году.

Методологически работы Р.Эделмана тяготеют к концептуальным установкам Л.Хеймсона, работающего в русле традиций французской школы «исторического синтеза» и англосаксонского неопозитивизма и стремящегося изучать историю России конца XIX — начала XX в. через призму локальных социальных процессов («повседневности»).

Р.Эделман рассматривает партию русских националистов прежде всего как организацию, отстаивавшую групповые интересы русских помещиков Западного края. Автор решительно возражает сторонникам взгляда на партию русских националистов как на искусственно сконструированную в «верхах» политическую химеру: «Я доказываю, что националисты имели опору в обществе». Более того, автор убежден в том, что «националисты в большей степени, чем любая другая партия в Думе, выражали специфические интересы особой группы избирателей». В силу этого, по мнению Р.Эделмана, развитие партии русских националистов можно рассматривать как своего рода «модель политического развития других партий, выражающих интересы других групп населения» [164, с. XI].

Поскольку групповые интересы привилегированных землевладельцев носили в первую очередь социально-экономический характер, ее политическое самосознание, по убеждению Р.Эделмана, являлось в

значительной части производной от социально-экономического бытия: «Относительная экономическая прогрессивность западной России может во многом объяснить те элементы политической прогрессивности, которые развивали националисты» [164, с. 6].

Что касается партийной доктрины как таковой, то она, по мнению американского исследователя, играла в деле партийной консолидации русских националистов сутиком вспомогательную роль: «Название партии — "русские националисты", — отмечает в этой связи Р.Эделман, — вводит в заблуждение», поскольку «националисты выражали озабоченность по поводу только тех национальностей, с которыми их избиратели имели постоянный контакт. Это были поляки и евреи», оставаясь «совершенно индифферентными как к другим "национальным группам" внутри России, так и к различным аспектам международного приложения своей доктрины» [164, с. 10]. Особое внимание националистов к вопросам, связанным с сохранением православной церковью привилегированного статуса, также, по мнению Р.Эделмана, объяснялось не теми или иными особенностями националистской доктрины, а в первую очередь соображениями политической конъюнктуры: в избрании депутатов-националистов участвовало большое количество священников-выборщиков, интересы которых, таким образом, не могли игнорироваться русскими помещиками Юго-Запада [164, с. 45].

Комментируя обстоятельства, связанные с расколом думской фракции националистов и вхождением левой ее части в Прогрессивный блок, Р.Эделман полагает, что в данном случае сыграли роль прежде всего не идеологические, а тактические предпосылки, носящие как субъективно-конъюнктурный, так и объективно неизбежный характер: «прогрессивные националисты» «принадлежали к Блоку потому, что... видели необходимость приспособления к тем условиям, которые сложились в ходе войны. Но здравое тактическое решение или желание повернуть налево только частично объясняют их присоединение к Блоку»;

«Выбор такого рода, какой приходилось делать прогрессивным националистам, всегда вставал перед традиционными консерваторами в условиях роста сил модернизации. Для националистов было просто трагедией, что им пришлось решать эту проблему в то время, когда острый общенациональный кризис сделал невозможным компромиссное решение» [164, с. 220].

По мнению автора, более «типичными» (то есть соответствующими совокупному облику избирателей и рядовой партийной массы) являлись оставшиеся за пределами Прогрессивного блока сторонники П.Н.Балахова, которые «чувствовали себя неловко и критикуя, и защищая правительство», хотя «по большинству вопросов... смыкались со своими союзниками справа» [164, с. 226, 227]. В целом, «несмотря на весь их критицизм и разногласия», русские националисты, полагает автор, «оставались верным самодержавию вплоть до его падения» [164, с. 233].

Присущее националистам «ощущение связи общегосударственного и местного...», — заключает Р.Эделман, — делало их более похожими на современную политическую партию, чем любую другую консервативную группу в России» [164, с. XII]. Партия русских националистов была «наиболее удачливой (или, правильнее сказать, наименее неудачливой) среди тех, кто возглавлял помещиков в защите их интересов» [164, с. 6].

Отдавая должное исследовательскому методу Р.Эделмана, позволяющему выявить и объяснить многие характерные особенности политического облика ВНС (сравнительно больший, чем у других элитарных партий, социально-политический pragmatism; стремление защищать на общегосударственном уровне непосредственные интересы своего избирателя; готовность к политическим компромиссам, не затрагивающим повседневных интересов русской элиты Западного края), следует отметить, что американский учёный в то же время, думается, до некоторой степени смещает акценты.

Р.Эделман стремится игнорировать тот факт, что сложившаяся в преформенной России и особенно

обострившаяся в связи с событиями 1905—1907 гг. ситуация «исторического перепутья» с неизбежностью программирует жесткую идеологизированность любого политического феномена, вынужденного самоопределиться под перекрестным огнем революционно-социалистической, конституционно-либеральной и самодержавно-традиционистской доктрин, каждая из которых предлагала собственный алгоритм решения стоявших перед страной проблем (в том числе региональных и местных).

Не отрицая выраженную региональную специфику феномена ВНС (хотя в то же время и не ограничивая партийный русский национализм исключительно территорией Западного края), следует заметить, что процесс политического становления ВНС как организации всероссийского масштаба протекал на фоне активного вовлечения его лидеров в орбиту общероссийской политической фразеологии. Примечательно, что пик идейной активности ВНС приходится на 1912 г. — год его максимального организационного и политического взлета, сопровождавшегося ростом претензий руководства ВНС на ведущую роль в политической жизни страны в целом.

Можно спорить о том, действительно ли ВНС являлся самой «современной» и «экономически детерминированной» среди помещичьих партий и до какой степени были неадекватны менталитету российского землевладельца центральной России октяристские и черносотенные взгляды, по сравнению с националистическими применительно к менталитету западно-русских помещиков (подробное рассмотрение этих проблем выходит за рамки настоящей работы), однако бесспорно то, что русскую элиту Западного края изначально объединял вполне конкретный набор политических идей и переживаний, на базе которых произошла ее партийная консолидация. Не будь подобных основ, важную роль в формировании которых сыграла, в частности, издававшаяся на протяжении преформенных десятилетий В.Я.Шульгиным, а затем Д.И.Пихно газета «Киевлянин», русские помещики

Западного края не только не смогли бы вписать свои региональные интересы в контекст всероссийской политической фразеологии, но оказались бы неспособны даже к их осознанию и формулированию.

Примечательно, что, пытаясь представить русских националистов лишенными идеологических пристрастий «социальными pragmatиками», Р.Эделман в сжатом виде воспроизводит националистский символ веры, впрочем, никак данное обстоятельство не осмысливая и не концептуализируя: «Что удивляет в членах умеренно-правой фракции, это минимум предубеждений, который они привнесли в Думу. Не будучи приверженцами какой бы то ни было партии, они являлись типичными выразителями мнений тех дворян, которые чувствовали, что думские "правые" не умеренны, а октябристы воодушевлены опасными конституционными идеями и слишком склонны к союзу с левыми. *Веря в самодержавие, они, тем не менее, поддерживали представительные институты и умеренные реформы*» (курсив мой. — Д.К.) [164, с. 40].

Противоречивость рассуждений Р.Эделмана усугубляется наличием ряда замечаний, позволяющих, как минимум, поставить вопрос о роли идеологических факторов в формировании политического поведения русских националистов. Несмотря на свою «значительную современность», пишет Р.Эделман, «это сборище земельных аристократов наследовало и сохраняло в политическом отношении многое от традиционного, патриархального мира, в котором они так недавно господствовали» [164, с. XIII]. «Переходный (от сословного к классовому. — Д.К.) период в положении дворянства нашел отражение в глубоких противоречиях, пронизывающих суждения самих дворян о себе»; «В случае с партией националистов современная классовая ориентация доминировала в их деятельности в течение их подъема в З Думе (1907—1912). Когда партия попала в трудное положение в начале деятельности 4 Думы (1912—1917), старые отношения и концепции возобладали» [164, с. 18]. Все

различия между социально родственными друг другу националистами и октябристами «могут быть объяснены в чисто интеллектуальных категориях» [164, с. 41]. «Национализм, возможно, был наиболее удачной совокупностью идей, которая могла зародиться в консервативном лагере в ответ на угрозу слева» [164, с. 9].

Естественным выводом из последнего утверждения должно было бы стать признание необходимости подробного рассмотрения упомянутой «совокупности идей». Тем не менее, Р.Эделман такой задачи перед собой не ставит, делая неизбежными не только очевидную неполноту исследования, но также досадные неточности. Автор, например, утверждает, что «националисты никогда точно не определяли для себя политического смысла [единения] самодержавия с представительными институтами» [164, с. 68], в то время как в действительности точка зрения ВНС по данному вопросу была хорошо известна, будучи подробно изложенной как в думских речах, так и на страницах публицистических изданий [242, с. 67—68].

Другие работы западных историков, касающиеся анализа идеологии ВНС, особого интереса не представляют. Типичной в этой связи можно считать монографию Б.К.Пинчука, посвященную деятельности Союза 17 октября в III Государственной думе. Анализируя программу партии русских националистов, автор отмечает лишь, что она «была основана на шовинистическом великорусском национализме, проявлявшемся в фанатичном антисемитизме и негативном отношении к национальным меньшинствам — инородцам» [170, с. 81—103].

Таким образом, следует заключить, что, несмотря на очевидную актуальность изучения истории идейного становления ВНС, оно к настоящему моменту осуществлено исторической наукой далеко не в полном объеме.

Настоящая книга восполняет этот пробел.

Автор выражает благодарность Александру Коцбинскому, Юлии Коцбинской, Марии Рыбаковой, Игорю Лукоянову, без помощи которых написание этой книги было бы невозможным.